

Ты не имеешь выбора.

Эти слова, словно холодное клеймо, отпечатались на барабанных перепонках Су Яня. Он смотрел на лицо Гу Ечэня — на этом лице не было ни единой эмоции, но глаза... эти глаза сами по себе были бездной.

Пальцы Су Яня судорожно сжались, тяжелый сценарий в его руках смялся, края бумаги больно врезались в ладони. В следующую секунду, вложив в это движение всю оставшуюся силу, он с яростью швырнул сценарий прочь.

Тот ударился о грудь Гу Ечэня глухим звуком и рассыпался по полу. Белые листы разлетелись, устилая темный ковер у их ног.

— Я... не... хочу!

Су Янь выдавил эти слова сквозь стиснутые зубы. Опираясь руками на подлокотники инвалидного кресла, он попытался встать — все его тело, напрягаясь, крупно дрожало. Правая нога коснулась пола, но левая, закованная в гипс, совсем не могла держать вес. Равновесие было потеряно, и он резко накренился вперед.

Но на пол он не упал.

Гу Ечэнь шагнул вперед и перехватил его за плечи. Его ладони, широкие и сильные, уверенно обхватили его через тонкую ткань пижамы. Тепло, исходящее от рук, проникало сквозь одежду — не горячее, а просто сухое и непреодолимое, давящее.

Инерция движения Су Яня была грубо остановлена; вся его сила врезалась в непоколебимую стену. Он поднял голову, тяжело дыша, с грудью, ходящей ходуном, точно запертый зверь. От ярости его глаза налились кровью, он в упор смотрел на человека перед собой.

Гу Ечэнь на него не смотрел. Его взгляд был опущен вниз, на рассыпанные листы бумаги. Не разжимая рук на плечах Су Яня, он сохранял эту позицию контроля, наклонился и другой рукой начал по одному собирать сценарий с пола.

Движения его были медленными и размеренными: он бережно складывал листы, расправлял заломы, словно это был не обычный сценарий, а драгоценное произведение искусства. Закончив, он снова выпрямился и положил собранную стопку обратно на колени Су Яню. Затем, придерживая его за плечи, он с силой надавил, усаживая того обратно в кресло.

Тело Су Яня тяжело осело на спинку. Яростный порыв иссяк, оставив лишь ощущение полной опустошенности. У него не осталось сил даже на то, чтобы снова отшвырнуть сценарий.

— Су Янь, — голос Гу Ечэня звучал еще тише и холоднее, чем прежде. — Тетя Ван, та

женщина-арендодатель из дома, где ты раньше жил... Она ведь неплохо к тебе относилась, иногда приносила тебе домашнюю еду. У нее есть сын, работает на заводе на юге города. Похоже, дела на этом заводе сейчас идут не лучшим образом, там как раз проводят сокращение штата.

Гу Ечэнь излагал факты, его тон был таким будничным, будто он обсуждал погоду. Каждое слово, словно маленький молоточек, било по самым уязвимым нервам Су Яня. Он не был одинок, и даже если бы захотел покончить с собой, у него остались люди, которые ему дороги. Эти люди были единственным теплом, сохранившимся у него в этом ледяном мире.

Теперь же это тепло стало самым действенным оружием в руках Гу Ечэня.

— Ты... — голос Су Яня дрожал. Он хотел назвать его бесстыдным и подлым, но все ядовитые слова застряли в горле, не в силах вырваться наружу. Он знал: то, что Гу Ечэнь говорит, он обязательно исполнит.

— Я даю тебе путь, — рука Гу Ечэня ушла с его плеча и переместилась на подбородок, заставляя Су Яня смотреть ему в глаза. — Путь к твоей мечте. Все, что от тебя требуется, — это просто идти по нему.

— Это не моя мечта! — прохрипел Су Янь. — В моей мечте нет тебя!

— Скоро будет. — Большой палец Гу Ечэня мягко погладил его челюсть; в этом жесте сквозила оценка, лишённое страсти желание обладать. — Ты привыкнешь. И поймешь, что то, что я тебе даю, — это единственное, чего ты на самом деле хочешь.

Сказав это, он разжал пальцы и выпрямился. Повернувшись, он направился к выходу, не оглядываясь. Двери лифта открылись и закрылись за его спиной.

Весь мир снова остался только для одного Су Яня.

Он сидел в инвалидном кресле, не шевелясь. За окном небо постепенно темнело, один за другим зажигались огни города, и их свет, проникая в не освещенную комнату, отбрасывал на его лицо дрожащие, мерцающие тени.

Сценарий на коленях, словно надгробная плита, давил на него всей своей тяжестью.

Следующие несколько дней Су Янь не притрагивался к книге, противопоставляя всему молчание. Тетя Ван каждый день вовремя приносила три приема пищи, но он отказывался есть. В первый день еду оставили на столе нетронутой. Во второй день он просто смахнул поднос рукой — звон разбитой посуды прозвучал в тихой комнате оглушительно. Тетя Ван лишь бесстрастно посмотрела на это, позвала молодую девушку, чтобы та убрала беспорядок, и не проронила ни слова. На третий день он даже не выходил из комнаты, запершись в огромной

спальне и задернув шторы, чтобы отгородиться от всего света.

Голод заставлял желудок сжиматься от спазмов, раны из-за слабости стали еще чувствительнее. Он лежал на кровати, большую часть времени проваливаясь в забытие, а просыпаясь, лишь бездумно смотрел в потолок. Он думал, что этот акт саморазрушительного протеста хоть как-то заставит другого человека пошевелиться.

Но нет.

Гу Ечэнь не появлялся, не звонил и не писал. Су Янь был словно забытая здесь вещь, медленно и беззвучно истлевающая в пустоте.

На четвертый день после полудня, пока он спал, дверь спальни открылась от электронного замка. Он решил, что это тетя Ван, но вошел Гу Ечэнь. Он был в строгом деловом костюме, словно только что с совещания, и напрямик направился к кровати, свысока глядя на застывшего Су Яня.

Су Янь не открыл глаз, лишь еще сильнее свернулся в клубок.

— Вставай, — приказал Гу Ечэнь.

Су Янь не отреагировал. В следующую секунду одеяло было резко отброшено. Гу Ечэнь наклонился, просунул руку под спину, схватил его за запястья и рывком поднял с кровати, усаживая на подушки.

Тело Су Яня, обессиленное и обмякшее, безвольно привалилось к изголовью. Он открыл глаза, но из-за голодания в них потемнело. Тетя Ван ввезла в комнату сервировочный столик, на котором стояла миска теплого рисового отвара. Гу Ечэнь взял миску, зачерпнул ложку и поднес к губам Су Яня.

Так же, как тогда в больнице.

Су Янь отвернулся, уклоняясь. Гу Ечэнь не стал принуждать, поставил миску и сжал его щеки пальцами. Хватка была крепкой, вынуждая Су Яня слегка приоткрыть рот.

— Не заставляй меня действовать более жестко, — голос Гу Ечэня звучал тихо, с ноткой опасного предупреждения.

Су Янь смотрел на него и в этих черных глазах видел свое собственное бледное, измученное отражение. Внезапно он почувствовал сильную усталость. Соппротивление и борьба в конечном итоге приносили лишь еще более глубокое унижение.

Он сдался, открыл рот и позволил Гу Ечэню влить в себя ложку отвара.

Никакого вкуса.

Так, пассивно, глоток за глотком, он съел всю миску. Накормив его, Гу Ечэнь вытер руки салфеткой, достал из кармана маленький пузырек, вытряхнул две таблетки и подал стакан воды.

— Открывай.

Это было обезболивающее. Су Янь послушно открыл рот и проглотил лекарство.

Гу Ечэнь наблюдал за его покорностью, но в его взгляде не было удовлетворения. Он знал: это не смирение, это отчаяние. Он встал, подошел к окну и раздернул тяжелые шторы. Вечерний солнечный свет хлынул в комнату, заставив Су Яня зажмуриться.

— С завтрашнего дня, каждый день после обеда, к тебе будут приходить преподаватели по актерскому мастерству и сценической речи, — Гу Ечэнь стоял к нему спиной, глядя в окно, и объявлял свое расписание.

Су Янь промолчал.

— Прочитай сценарий.

Сказав это, Гу Ечэнь вышел из комнаты. Дверь снова закрылась. Су Янь прислонился к изголовью, солнечные лучи падали на его лицо, но не приносили тепла. Он повернул голову и посмотрел на лежащий на прикроватной тумбочке сценарий.

Эхо бездны.

Он протянул руку и дрожащими пальцами взял его. Провел рукой по четырем тисненным золотом иероглифам.

Когда ты долго смотришь в бездну, бездна начинает смотреть в тебя.

Он перевернул первую страницу.

<http://bllate.org/book/21842/2264543>